

22. Подгаецкий В.В. Клиометрика: axiomata minora (Версия 3. Предметное пространство) // Круг идей: развитие исторической информатики. М., 1995.
23. Подгаецкий В.В. Числа и мысли или утопия? // Круг идей: традиции и тенденции исторической информатики. М., 1996.
24. Подгаецкий В.В. «Историческая информатика» как источниковедение XX и/или XXI века? Pro et Contra (Ad Nominem) // Круг идей: историческая информатика в информационном обществе. М., 2001.
25. Тяжелникова В.С. Компьютерное источниковедение: к постановке проблемы // Круг идей: развитие исторической информатики. М., 1995.
26. Белова Е.Б., Бородкин Л.И., Гарскова И.М. и др. Историческая информатика. М., 1996.
27. Информатика для гуманитариев: Вводный курс. М., 1997.
28. Информационные технологии для гуманитариев: Учебное пособие. М.; Саранск, 1998.
29. Бородкин Л.И. Историческая информатика начала XXI века: спрос на специальные алгоритмы и технологии // ИБ АИК. М.; Томск, 2004. № 32.
30. Boonstra O., Breure L. and Doorn P. Past, present and future of historical information science. Amsterdam, 2004.
31. Тяжелникова В.С. От старой к новой социальной истории // Исторический ежегодник, 2002–2003. Омск, 2003.
32. Мухин М.Ю. История и компьютер в Восточной Европе // Отечественная история. 1995. № 1.
33. Бородкин Л.И. Историческая информатика: этапы развития // Новая и новейшая история. 1997. № 1.
34. «Круглый стол»: «Методологические проблемы исторической информатики и количественной истории» // Новая и новейшая история. 1997. № 3.
35. «Круглый стол»: «Методологические проблемы исторической информатики и количественной истории» // Новая и новейшая история. 1997. № 5.
36. «Круглый стол»: «Историк, источник и Интернет» // Новая и новейшая история. 2001. № 2.
37. Юмашева Ю.Ю. Круг идей: новые издания по исторической информатике // Вопросы истории. 1999. № 9.
38. Юмашева Ю.Ю. Историческая информатика в зеркале периодического издания // Отечественная история. 2001. № 1.
39. Анисеев И.А., Покасов В.Ф. Историческая информатика в России и за рубежом // Новая и новейшая история. 2001. № 1.
40. Бородкин Л.И., Владимиров В.Н., Гарскова И.М. Новые тенденции развития исторической информатики. По материалам XV Международной конференции «История и компьютер» // Новая и новейшая история. 2003. № 1.
41. Handbook of International Historical Microdata for population Research. Minneapolis, 2000.
42. Компьютер и историческая демография: Сборник научных трудов. Барнаул, 2000.
43. Носевич В.Л. Традиционная белорусская деревня в европейской перспективе. Минск, 2004.
44. Цветков В.Я. Геоинформационные системы и технологии. М., 1998.
45. Past Time, Past Place: GIS for History. Ed. A.K.Knowles. Redlands, 2002. XX.
46. Владимиров В.Н. Пространственный анализ и компьютерное картографирование в изучении социально-экономических процессов в Сибири XIX – начала XX вв. // Материалы научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М., 1997.
47. Gregory I.N., Kemp K.K. and Mostern R. Geographical Information and historical research: current progress and future directions // History and Computing. 2001. Vol. 13. No 1.
48. Siebert L. Using GIS to Document, Visualize and Interpret Tokio's Spatial History // Social Science History. 2000. Vol. 24. No 3.
49. Гарскова И.М. Базы и банки данных в исторических исследованиях. Goettingen, 1994.
50. Ell P.S. and Gregory I.N. Adding a new dimension to historical research with GIS // History and Computing. 2001. Vol.13. No 1.

И.Ю. Николаева

АРХАИКА И ГЕНДЕРНЫЕ КОДЫ КУЛЬТУРЫ В СВЕТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СФЕРЫ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

Томский государственный университет

Сегодняшнее гуманитарное знание, освобождаясь от многих стереотипов в интерпретации тех или иных культурно-исторических феноменов, все чаще ставит вопросы, казалось бы, мало связанные с проблемами, которыми традиционно занимались обществоведы. Вопросы пола, секса, смеха и других интимных сторон человеческого бытия все

чаще появляются на страницах и исторических исследований. Как выразился Ж. Викас, если ранее исследователи, занимавшиеся сексуальностью, воспринимались академическим сообществом маргиналами, то теперь ситуация изменилась [1, р. 27]. Бурно развивающаяся не только на Западе, но и в отечественной историографии область гендерных

исследований, при всех неизбежных издержках, сопровождающих рост всякого авангардного знания, сегодня не только легитимизировалась в научном сообществе, но «сделала в историю социальную ряд таких «взнос», которые не позволяют социальной истории самодовольно почивать на заслуженных лаврах» [2, с. 31]. Однако нельзя не согласиться с мнением и московских психологов, очень верно подметивших, что в изучении гендерной идентичности все еще доминирует традиция «школьного» изоляционизма [3, с. 3]. И если в отношении психологических исследований у названных авторов были все основания сказать, что крайне немногочисленны работы, в которых девиации гендерного порядка связываются со своеобразием строения целостной идентичности, то применительно к области исторического знания это мнение тем более справедливо.

Между тем гендерный ракурс исследования социальной истории может дать не просто дополнительную информацию об изучаемом социальном объекте, но послужить своеобразной экспертизой проделанного анализа [2, с. 35–44]. Безусловно, качество этой экспертизы будет зависеть от методологии того комплексного анализа, без которого гендерное исследование по определению будет хромать. Но вот в этом-то отношении специалисты, работающие в рамках данной области, в лучшем случае исходят из того, что достаточно идти путем «здорового смысла» и привлечения наиболее зарекомендовавших себя в научном сообществе теорий и методов.

Нам уже доводилось писать о том, что необходимым условием корректности работы любой междисциплинарной исследовательской технологии является не механистическое соединение привлекаемых концептов и методов, но комплиментарное использование только такого их круга, которые имеют общие методологические основания и, стало быть, могут фокусироваться в определенной сфере. Предлагая такую конкретную исследовательскую стратегию анализа архаических гендерных культурных кодов, основанную на использовании взаимопересекающихся концепций (Э. Эриксона, К. Хорни, П. Бурдые, Д. Узнадзе, Э. Фромма и др. авторов), имеющих общий методологический фокус – бессознательное, оговоримся еще раз. Бессознательное в этих концептах объединяет такое его понимание, которое позволяет анализировать его как неосознаваемую, но четко упорядоченную историческим стилем жизни общества матрицу социально-психологических установок сознания и поведения людей, формирующуюся в контексте опыта социальных групп и слоев [4, с. 43–67].

Введение методологического инструментария, связанного с анализом бессознательного как социо-

культурно опосредованной сферы жизнедеятельности человека, особенно важно для анализа исторической динамики гендерных кодов. Сегодняшний уровень знаний в этой области не позволяет рассматривать сексуальность, как это делали исследователи XIX в., определяя ее как сферу, где правят автономные инстинкты. Вслед за М. Фуко специалисты, работающие в жанре «новой сексуальной истории», исходят из допущения, что сексуальность является социально и исторически формируемым явлением [1, с. 297; 5, с. 45]. Здесь-то и возникают сложности как в расшифровке механизмов ее культурно-исторических трансформаций, так и в реконструкции того архаического кода, что лежит в их основе. (При всем различии архаики у разных народов и культур в ее истоках проявляется много общего, позволяющего с известными оговорками реконструировать некие ее архетипические черты).

Итак, задача заключается в том, чтобы, опираясь на предлагаемую исследовательскую стратегию, фокусируемую на бессознательном, попытаться реконструировать базовые установки сознания и поведения, лежащие в основе архаических гендерных культурных кодов. И второе, в контексте обозначенных концептов бессознательного попытаться наметить способы расшифровки мутаций этих архаических кодов в зависимости от изменения социально-исторического ландшафта, в котором эти коды бытуют и меняются.

Начнем с того, что подчеркнем неразделимость природно-витального и психоэмоционального начал в конституировании сексуальности на уровне единой нефиксированной установки личности. Этот трюизм может высветиться в несколько необычном свете при введении в расшифровку отмеченной связи параметра власти. Ее «живое лицо», а не просто некий институциональный абрис афористично определил еще Р. Барт: «...имя мне – легион – могла бы сказать власть... Власть гнездится везде, даже в недрах того самого прорыва к свободе, который жаждет ее искоренения» [6, с. 547]. Э. Фромм более точно формулирует ее социально-психологическую основу: «Власть – это не качество, которое человек «имеет», как имеет какую-либо собственность или физическое качество. Власть является результатом межличностных взаимоотношений, при которых один человек смотрит на другого как на высшего». При этом Фромм разводит понятие рационального авторитета и власти, которая не поддается адекватной рационализации субъектами отношений [7, с. 142].

В таком разрезе самую первичную матрицу архаического гендерного кода легче всего разглядеть в таком явлении, как промискуитет, который, как известно, бытовал на ранних стадиях человеческой цивилизации у всех народов. С большой долей при-

ближения к сути его природу, как природу и многих других архаических гендерных практик, описывает П. Киньяр на античном материале как «охоту» более сильного, обладающего сексуальной мощью партнера, с необузданной *voluptas* на более слабого [8, с. 19].

Следы этой гендерной «охоты» обнаруживают в своих древних пластах традиции многих культур. Обычай сродни умыканию, покупному браку и тому подобные вещи, так или иначе связанные с практикой агона, представляли собой не что иное, как сколок с этого архаического кода. Именно в похищении женщины прозрачно виден мотив доминирования, властного и физического превосходства – над самой женщиной и теми, кто ее охраняет. «Илиада» начинается с похищения Елены. Основание Рима легенда связывает с похищением сабинянок. Судя по Гомеру, у древних греков была довольно распространена агональная практика выдачи замуж, когда невеста становилась даром лучшему из женихов за победу в состязаниях. Архаика проглядывает в ритуалах обществ, прошедших определенный отрезок пути, связанный с наработкой цивилизованных норм. Жених-спартаец должен был похитить невесту, высватанную ему его родителями, даже если было получено согласие на брак (современный обычай «выкупа невесты» – отголосок древних гендерных практик такого рода).

Витальная природа агона в архаических гендерных отношениях прозрачно видна в языке. Опять-таки можно найти немало параллелей у самых разных народов. В «Песне о нибелунгах», насыщенной архаическими смыслами и лексикой, Гунтер, жалуюсь Зигфриду на Брюнхильду в первую брачную ночь, говорит, что «не хотела дева ласкать в пути бойца» [9, с. 293]. Еще красноречивее зулусский материал, выявляющий прямую связь сексуального дискурса и воинских успехов мужчины [10, с. 34].

Наиболее ярко зависимость и взаимопроникновение властного и сексуального архаического кодов демонстрирует античный материал. Исследователи давно заметили, что слово «фасцы» – березовые прутья, скрепленные ремешком и являвшиеся символом власти сенаторов, направлявшихся в курию, – имеет общий корень со словом *fascinus* (фаллос). Фаллическое господство прочно ассоциировалось с властным. Подчеркнем, что анализ языка выявляет глубинные установки сознания, связанные с этой областью. У Гомера глагол *meignumi*, означающий коитус, имеет еще и второй смысл – схватка [8, с. 19, 106].

Киньяр отмечает, что ни греки, ни римляне не делали различия между гомосексуализмом и гетеросексуализмом (заметим, что сами эти понятия возникли довольно поздно, слово «гомосексуа-

лизм» появилось в 1869 г., а «гетеросексуализм» – в 1890 г.). Они различали другое – активность и пассивность. Иначе говоря, власть, доминирование в сексуальных отношениях составляли незакамуфлированную природную и психологическую основу их идентичности. Причем зачастую не столь уж важно было, кто являлся добычей этой «охоты» сильного за слабым – женщина, ребенок, приглянувшийся юноша или кто-либо еще. Важно было другое, чем сильнее был человек этого архаического общества, тем лучшая добыча ему доставалась.

Известно, что в спартанском обществе – более архаичном по сравнению с афинским или римским – женщина вовсе не обязательно была необходимым участником сексуального «диалога». Ее вполне мог заменить юноша или мальчик. Причем гомосексуальное «партнерство» было широко распространенным явлением. В этот же контекст архаики вписывается и обычай, когда несколько братьев имели общую жену, чья основная функция сводилась к воспроизводству доблестных воинов, что обеспечивали силу общины спартиатов. Распространенность гомосексуальных практик просматривается и в других частях греческого мира. Не случайно, отмечает Киньяр, два основных сюжета, фигурирующих на большинстве греческих ваз, таковы: охота на зайца с голыми руками, олицетворявшая собой педерастическую любовь, и сцена, в которой бородастый мужчина с напряженным фаллосом держит на ладони пенис безбородого партнера [8, с. 10].

Насилие над тем, кто обладает низшим статусом, неосознанно воспринималось как норма поведения. Эта фиксированная установка сознания, имевшая ценностный характер, проявлялась во многом. В Риме мужчина считался целомудренным, если он никогда не подвергался содомии (то есть всегда был сексуально только активным) [8, с. 10]. Поцелуй, данный ребенку вольноотпущенником, обрекал последнего на казнь. Раб не мог осквернить содомией своего господина. На это, согласно Артемидору, был наложен строжайший запрет. Но патрицию стоило лишь указать пальцем и сказать «*Te paedico*» («Возьму тебя через анус»), чтобы его желание было исполнено [8, с. 12].

Не исключением является и древнерусский гендерный код. «Повесть временных лет» дает немало зарисовок сохранения архаики среди славянских племен: «Радимичи и Вятичи, и Северь один обычай имяху: ...схожахуся на игрища на плясанье и на вся бесовские игрища, и ту оумыкаху жену себе, с нею же съвещашеся. Имяху же по две и три жены» [11, стб. 13–14]. Характерно, что в контексте анализа сексуальной жизни древних русов в XI–XIII вв. В.В. Долгов интерпретирует гендерное поведение Владимира I, делая акцент на том, что в этом пове-

дении прозрачно видна «имплицитная семантика полового акта как победы» [12, с. 247]. Завоевывая право на киевский престол, князь одновременно «осваивал» и сферу брачных контактов Ярополка, своего старшего брата и соперника. Начав в 980 г. свой поход, он прежде всего посватался к полоцкой княжне Рогнеде, уже «сговоренной» за Ярополка. Высокомерный отказ княжны лишь привел к тому, что Владимир пришел с военной силой и «поя» ее, после же – утвердившись на киевском престоле, он для закрепления своего статуса успешного завоевателя «залеже жену братнью Грекиню». Подробности овладения Владимиром Рогнеды, сообщаемые Суздальской летописью 1128 г., лишь акцентируют сказанное: «... и приступившие к городу, и взяша городъ, и самого князя Рогволда яша, и жену его и дщери его. И Добрыня поноси ему и дщери его, нарек ея робичица. И повеле Володимеру быти с нею пред отцом ея и матерью, потом отца ея уби, а саму поя жене, и нарекоша Горислава» [11, стб. 76, 78, 300].

Природа архаического гендерного кода, основанная на выявленных бессознательных матрицах поведения, в глазах классической науки XIX – начала XX вв., зачастую интерпретировалась модернизаторски. В.В. Долгов, в частности, отмечает, что для некоторых исследователей древнерусское общество XI–XIII вв. представлялось и интерпретировалось как социум, отличавшийся «чрезвычайной распушенностью и извращенностью половых отношений» [12, с. 239]. Между тем гуманитарное знание конца XX в. настойчивее искало способов описания сексуального поведения как сферы, отражающей культурно-психологическую инаковость проявления гендерных практик в примитивных обществах, исключающих морализаторские оценки.

В этом контексте примечательны попытки реконструировать психосоциальную идентичность человека в этих обществах, которая, включая в себя его основные ценностные установки, органично «снямала» бы в них и гендерный их пласт. Одна из удачных таких попыток в отношении античного мира принадлежит П. Киньяру. Прделанный им анализ позволил исследователю выделить основную смысловую установку римского полноправного члена общества – *virtus* (добродетель). При этом он так характеризует ее: «Таким образом, физическая сила, военное превосходство, сексуальная мощь, упрямый характер и необузданная *voluptas* образов дали этот сплав под названием мужская добродетель (*virtus*)» [8, с. 19]. Близкие в своей базовой основе черты можно проследить и на примере психосоциальной идентичности варварского общества Западной Европы (в модальном веберовском смысле слова) [13, с. 11–28]. Следы этих же архаических установок обнаруживает и культу-

рный пласт традиций европейского средневекового рыцарства [14, с. 7–38].

Однако наиболее интересным и сложным представляется путь реконструкции тех мутаций, которые претерпевал архаический гендерный код в меняющемся ландшафте породившего его социума. Эта проблема представляет не просто академический интерес. Процесс накопления этих мутаций по сути и представляет ту масштабную трансформацию социальной и личной жизни, которую многие современные исследователи рассматривают как органичную часть культурной реорганизации, сопровождавшую транзит от традиционного, иерархического, статусно ориентированного общества к современному индивидуалистическому, основанному на индустриальном росте рыночной экономики со всеми вытекающими отсюда последствиями [5, с. 45]. Безусловно, этот процесс имел и имеет отнюдь не линейный характер. В практике серьезных исследований накоплен немалый теоретический и конкретно-исторический багаж знания, служащий хорошим противовесом против рассмотрения истории как поступательно разворачивающегося во времени и пространстве царства гендерной свободы, оцивилизовывания сферы интимной жизни человека [15, с. 54, 81, 88; 16, с. 33].

Расшифровка кустовых мутаций, которые составляют живое многообразие этого процесса, с необходимостью предполагает обращение к сфере бессознательного, где прежде всего накапливаются новые актуально-моментальные установки, связанные с деятельностью (в том числе и сексуальной), которые при соответствующих благоприятных условиях закрепляются и формируют ценностный костяк культуры, являющий свой лик в традициях, обычаях, легендах, языке. Предлагаемая исследовательская технология анализа бессознательного позволяет, если имеется соответствующий источниковый материал, реконструировать механизм и пластику этих мутаций.

Всякая нормативная сексуальная культура в качестве своего ядра имеет запреты. Далеко не случайна – и в этом видится общность путей трансформации архаики в разных обществах – универсальность норм, присущих большинству обществ экзогамии (запреты на сексуальное общение с сестрой, отцом с дочерью, свекра со снохой и т.д.). Их происхождение достаточно прозрачно выявляет необходимость репрессирования самых архаических установок сознания и поведения человека, необходимость, которая не могла быть отрационализирована человеком тех обществ в понятиях нашего дня, но которая бессознательно воспринималась как гарант сохранения социума, снижения уровня социальных конфликтов на уровне столкновения необузданных сексуальных влечений. Однако деталь-

ный анализ всякого конкретного запрета, который формирует основу культурной нормы, требует знания самого социального и природного контекста бытования общества. При этом чрезвычайно важную значимость обретает характер тех видов производственной деятельности, которые определяют возможное разделение труда в нем, а стало быть, тип социальных ролей основных агентов социального поля и возможные конфликты между ними.

Этнографами выдвинута и обоснована данными этнографии и фольклористики гипотеза о производственно-социальных механизмах табуирования промискуитета в примитивных обществах [17, с. 295; 18, с. 111–112]. Смысл этого механизма раскрывался на материале охотничье-производственных инициаций. По мере того как охота начала приобретать все более организованные формы, нарабатывался опыт подготовки к ней. В период охоты всякого рода конфликты – и гендерные в первую очередь – представляли собой особую опасность для коллектива. Доступные нам источники не дают прямой информации об этих конфликтах. Однако то, что мы знаем о природе архаических кодов, не оставляет сомнений в том, что они имели место и послужили толчком для поначалу спонтанных, спорадических, а впоследствии закреплённых традицией запретов. На языке теории установки актуальные «здесь и сейчас» потребности, реализуясь, фиксировались в виде устойчивой готовности при схожих ситуациях действовать аналогичным образом.

В свете сказанного становится понятным, почему обряд инициации юноши предполагал его сексуальное воздержание, которое в последующем естественным образом компенсировалось со свойственной всякому воздержанию силой избыточности. Неудивительно, что инициационные обряды многих народов содержат в себе как обязательный момент оргиастическое поведение. Заметим, что не только у охотничьих народов. Египетский, древнегреческий материал свидетельствует о том, что так или иначе данные механизмы «сбрасывания пара» лежали в основе эволюции разных культурно-ритуальных практик у разных народов. В контексте того, что мы знаем о бессознательном на уровне единой нефиксированной установки, природно-витальные архаические влечения в примитивных обществах были доминирующими настолько, что требовали мощнейшей психической компенсации, которая и лежала в основе оргиастических промискуитетных праздников.

Во многих примитивных обществах механизмом, обеспечивающим само существование общества, являлась военная организация, которая, по выражению Лойберга и Шляпентоха, являлась «механизмом внеэкономического принуждения, то есть

обеспечивала функционирование докапиталистической экономики» [19, с. 146]. Спарта является классическим примером таковых. Здесь основная фигура полноправного члена общества – воин, а стало быть, и все основные установки его «производственной» деятельности подчинены регулированию данной сферы общественного разделения труда. Как представляется, именно здесь, в этой сфере, а точнее в необходимости ее регулирования, следует искать и истоки наработки определенных сексуальных табу обществом спартиатов. Поскольку основные экономические ресурсы Спарте обеспечивало господство над подавляющим большинством лаконского населения, то общество жило в постоянном военном напряжении. Архаическая составляющая психосоциальной идентичности спартиата, выражавшаяся в избыточно акцентированной жестокости, отчетливо видна в таком явлении, как криптии – периодические нападения воинов на илотские поселения, где, по выражению одного из древних писателей, они «убивали самых сильных из них» [20, с. 95]. В этом же контексте может быть интерпретирован и факт женского атлетического агона, который, за исключением Олимпии и аттического Браврона, не фиксируется на основании известного материала ни в одной из других частей или периодов существования античной цивилизации [21, с. 7–19]. Эта же архаическая составляющая являет свой лик в том, как решались вопросы во время сбора апеллы (народного собрания). Победителем выходили те, кто кричал громче. Что дало основание Аристотелю, жившему в более рафинированном обществе, назвать такой способ ведения собрания детским [20, с. 94]. Все эти, на первый взгляд дискретные, характеристики на деле выявляют структурную целостность психосоциальной идентичности спартиатов, несомненно, архаическую по своей природе.

В этот же разряд попадает широкая распространенность гомосексуальных практик, акцентированная условиями постоянного военного уклада жизни. Однако и они со временем получили свой ограничитель. Ни один мужчина не имел права вождель носящего бороду. Появление растительности на теле проводило границу между двумя сексуальными позициями. Превращение в мужчину, воина означало прекращение его пассивности во всех смыслах, в том числе и сексуальном. Очевидно, что если бы идентичность юноши формировалась на базе устойчивого опыта подчинения, то каркас основных установок, цементирующих ее, проблематизировал бы превращение его в воина. По-видимому, этот опыт и лег в основу неписаных ограничительных предписаний спартанского социума, ограждавших юношу на определенной стадии от сексуальных домогательств со стороны взрослых мужчин. Таким

образом, необходимость воспроизводства определенного типа личности, чья идентичность была гарантом сохранения власти Спарты над округой, илотами, служившими основным источником ее экономического существования, продуцировала наработку отмеченных культурно ограничительных мутаций в архаическом гендерном коде.

В Афинах, где мы видим более упорядоченную социальность, когда более четкие формы обретают семейная организация и индивидуальное достоинство домохозяина, чьи властные прерогативы частного порядка являлись в то же время гарантом его дееспособности как гражданина полиса, гомосексуальность, выраженная в более архаических формах у спартиатов, поддается большему контролю, обретает дополнительное табуирование. Как и в Спарте, запрет на соитус с юношей действовал в отношении свободнорожденных лишь до момента, когда у них начинала расти борода. Но появляется то, что не фиксирует источниковый материал спартанского происхождения. Уличенный в пассивной гомосексуальности гражданин мог не только лишиться гражданских прав, но и быть предан смерти [8, с. 9–10]. Понять происхождение этой цивилизационно-репрессивной мутации архаического гендерного кода опять-таки вряд ли возможно, минуя сферу бессознательного – восприятия и ощущения власти, где доминирование ни в коей мере не могло быть сочетаемым с пассивностью. Сексуальное подчинение проявляло слабые стороны идентичности личности, ее неготовность бороться, даже если эта борьба уже не была связана напрямую с военным противоборством, а проявлялась в сфере политики.

В Риме *virtus* мужчины еще в большей степени была обусловлена тем, что он никогда не подвергался содомии. Для свободнорожденного гражданина любого возраста пассивная гомосексуальность считалась постыдной. Говоря о накоплении данных мутаций в отношении этой архаической практики гендерного поведения и полагая, что в ис-

торической перспективе общий вектор эволюции был направлен на репрессию культурным сознанием явления как такового, а не только его пассивных форм, еще раз оговоримся, что наличие этого вектора не означает жестко линейного характера происходивших трансформаций. Процесс индивидуации в современной западной цивилизации показывает наращивание перmissивных установок сознания в отношении этого явления. Однако не стоит путать толерантность, выработанную в рамках либерального общества, признающего право на существование инаковой гендерной идентичности, с тем, что лежит в основе воспроизводства этого архаического кода в нынешнее время.

Размеры данного текста не позволяют развить тему природы процессов реактуализации архаического кода в обществах, которые принято относить к современному цивилизованному миру. Очевидно, что масштаб этого явления побуждает задуматься о том, насколько укоренены архаические матрицы гендерного поведения в бессознательном современного человека, несмотря на все приращения оцивилизовывающих его культурных норм. Исследователями установлено, что от 1.5 до 5 % людей и каждое из десяти семейств в цивилизованных странах Запада когда-либо сталкивались с инцестом. По данным анализа ученых Вашингтонского университета, в 1976 г. подобного рода случаев имело место более чем 100 000 [22, с. 135].

Выяснение природы процессов архаизации в современном обществе в наши дни становится предметом междисциплинарных исследований [23, с. 9–10]. Однако совершенно очевидно, что анализ тех деформаций, которые претерпевает личность в процессе социализации в нем деформаций, включающих в себя регрессию к архаическим установкам сознания и поведения, вряд ли может быть корректным, если не предполагает увязку собственно исторического исследования со знанием закономерностей функционирования бессознательного и применением методов анализа данной сферы.

Литература

1. Weeks J. Sexuality and history revisited // *Sexuality in History*. N.Y.; L., 2002.
2. Пушкарева Н.Л. Женская история, гендерная история: сходства, отличия, перспективы // *Социальная история*. Ежегодник. 2003. Женская и гендерная история. М., 2003.
3. Соколова Е.Т., Бурлакова Н.С., Лонтиу Ф. К обоснованию клинико-психологического изучения расстройства гендерной идентичности // *Вопросы психологии*. 2001. № 6.
4. Николаева И.Ю. Методологический синтез: «сверхзадача» будущего или реалити сегодняшнего дня // *Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы*. Томск, 2002.
5. Halperin D.M. Forgetting Foucault. Acts, Identity and the History Sexuality // *Sexuality in History*. N.Y.; L., 2002.
6. Барт Р. Избранные работы. М., 1989.
7. Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990.
8. Киньяр П. Секс и страх. М., 2000.

9. Гуревич А.Я. Средневековая литература и ее современное восприятие // Из истории культуры Средних веков и Возрождения. М., 1976.
10. Риттер Э.А. Зулус Чака. М., 1989.
11. Полное собрание русских летописей. М., 1997. Т.1.
12. Долгов В.В. «Зло есть женская прелесть» (сексуальная жизнь древних русов XI–XIII в. и их отношение к женщине // Социальная история. Ежегодник. 2003. Женская и гендерная история. М., 2003.
13. Николаева И.Ю., Карначук Н.В. История западноевропейской средневековой культуры. Часть I. Культура варварского мира. Томск, 2001.
14. Николаева И.Ю., Карначук Н.В. История западноевропейской средневековой культуры. Часть II. Культура рыцарской среды. Томск, 2003.
15. Репина Л.П. Мужчины и женщины в истории: Новая картина европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия. М., 2002.
16. Пушкарева Н.Л. От «His-story» к «Her-story» // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2001.
17. Семенов Ю.И. Как возникло человечество. М., 1966.
18. Попова С.А. Обряды перехода в традиционной культуре манси. Томск, 2003.
19. Лойберг М.Я., Шляпентох В.Э. Общие факторы формирования феодальной системы хозяйства в Восточной Европе // Тезисы докладов и сообщений девятой (таллинской) сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (октябрь 1966 г.). Таллин, 1966.
20. Древняя Греция. М., 1956.
21. Курилов М.Э. О ритуально-обрядовом характере женской агонистики в классической Спарте // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2003. № 6.
22. Вардиман Е. Женщина в древнем мире. М., 1990.
23. Антонян Ю.А. Отрицание цивилизации: канибализм, инцест, детоубийство, тоталитаризм. М., 2003.

Т.И. Зайцева

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ «ЖЕНСКИХ» И ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ В ГЕРМАНИИ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕГО РАЗВИТИЯ ГЕНДЕРНОЙ ИСТОРИИ

Томский государственный педагогический университет

Исторические женские, позднее гендерные, исследования развернулись на Западе с конца 60-х годов XX в. под влиянием женского общественного движения, появления нового междисциплинарного научного направления – «женских исследований» и внутренних трансформаций исторической науки. Этот процесс начался в США, и до сегодняшнего дня североамериканская школа сохраняет ведущую роль как в теоретической области, так и в сфере конкретных исследований.

Современная гендерная история – одна из самых бурно развивающихся исторических субдисциплин. Выходит с трудом обозримое число монографий и особенно статей (см., напр., библиографии Л.П. Репиной и Н.Л. Пушкаревой [1, с. 106–158; 2]). Поэтому перед историком, выбравшим «женскую тему» основным предметом своей научной деятельности, встают неизбежные трудности. Какие исследования проделаны и какой опыт накоплен; в чем заключается эвристический потенциал данного подхода? Где провести грань между «женской» и гендерной историей; как осуществить в конкретно-историческом исследовании «гендерный анализ социально-исторических явлений»? Эти вопросы не имеют простых ответов.

Задача данной статьи – рассмотреть основные тенденции развития данного историографического

направления и попытаться выяснить, как вписываются немецкоязычные исследования «женской истории» в международный контекст.

«Женская тема» привлекала внимание историков уже начиная с XIX в. в связи с «первой волной» феминизма. Формирование «женской истории» на рубеже 1960–70 гг. XX в. как отдельной исторической субдисциплины имело как социальные, так и внутринаучные предпосылки. Последовательницы женского движения «второй волны» выступили с критикой традиционной «мужской» науки. Сформировалось новое научное направление – «женские исследования». В отличие от изучения «женского вопроса», учеными-мужчинами в них придается значение именно женской исследовательской практике, учитывается фактор «личного опыта подавления».

На первом этапе своего существования «женская история» занимала промежуточное положение между областью исторической науки и частью феминистического движения, с которым сохраняла близость; проводимые в ее рамках исследования не всегда отличались строгой научной объективностью. Главная задача виделась в восстановлении забытых женских имен и изучении истории угнетения женщин. Это предопределило известные трудности развития нового направления, маргиналь-